

ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН НА ТЕРРИТОРИЮ КАБАРДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Скрипкин Роман Дмитриевич, ассистент, кафедры истории России и кавказоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (Нальчик, Россия); <https://orcid.org/0009-0005-5574-6736>; roman.skripkin97@mail.ru

Статья посвящена изучению процесса переселенческого движения россиян на территории Северного Кавказа, активизировавшегося во второй половине XIX – начале XX в. после образования Терской области и включения региона в состав Российской империи. Основное внимание уделено причинам и условиям переселения, которые определялись историческими предпосылками миграции русского населения в регион, имманентным желанием тысяч крестьян недорого приобрести плодородные земли на Кавказе. Политика российского правительства была непоследовательна в этом вопросе: от активной поддержки до введения ограничений и полного запрета. Тем не менее, оно оказывало переселенцам правовую и небольшую материальную помощь. Усиление процесса переселения стало возможно после отмены крепостного права в 1861 г., завершения Кавказской войны, существенных изменений в административной структуре региона. Особую значимость имеет выявление особенностей переселения именно на территорию Терской области, характеризующуюся своеобразием географического положения, природно-климатических условий и полиэтничного состава населения. Значимую роль в этом процессе играли законодательные акты Российского правительства, регламентирующие переселение крестьян. Особое внимание уделено влиянию аграрной и крестьянской реформ на развитие сельского хозяйства и экономики в Кабардинском округе в 1863-1869 и 1866-1867 гг. В статье обоснована роль миграционных потоков в формировании новых русских поселений на территории Кабарды и налаживании социальных связей, культурного взаимодействия и структурирования аграрного пространства региона.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Терская область, Кабарда, Нальчикский округ, переселенческое движение, социальный состав русских переселенцев.

Для цитирования: Скрипкин Р.Д. Причины и социально-экономические условия переселения крестьян на территорию Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. // KAVKAZ-FORUM. 2026. Вып. 25 (32). С. 111-127. DOI: 10.46698/VNC.2026.32.25.004

Введение

Во второй половине XIX – начале XX столетия переселенческое движение приобрело масштабный характер, став важнейшим инструментом формирования славянского населения на территории Северного Кавказа. Наиболее интенсивно этот процесс проходил в пределах Терской области, охватывая земли Кабардинского и последующего Нальчикского округов, «судьбы русского крестьянина и горца Северного Кавказа, – отмечает И.А. Суздальцева, – так переплелись, что дальнейшее их развитие происходило в процессе взаимодействия во всех сферах жизни» [1, 34].

Историография вопроса начала складываться в пореформенные годы. Статьи, затрагивающие переселенческий вопрос, были широко представлены в пореформенной периодической печати. Они помогают понять движущие причины переселений, скрытые и явные недостатки в миграционной политике российского правительства. Авторы публикаций часто обращают внимание на социальные и культурные аспекты, влияющие на миграционную политику властей. Печатные издания различных направлений: «Терские ведомости», «Терек», «Казбек», «Терский календарь», «Терский сборник» и др. дают нам ценные сведения о повседневной жизни переселенцев того времени.

Социально-экономические аспекты развития народов региона были предметом детального рассмотрения в работах советских историков второй половины XX в. Среди наиболее значимых исследований выделяется работа Т.Х. Кумыкова «Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок» [2], посвященная изучению процесса включения территории Северного Кавказа в систему общероссийских экономических связей. Центральное место в исследовании занимают вопросы демографии, динамики численности населения и изменения в этническом составе региона. Особенное внимание уделяется влиянию русских переселенцев на экономику и социальную структуру региона, что стало одним из ключевых факторов, определяющих особенности регионального развития.

Детальная характеристика природно-климатических ресурсов Кабардино-Балкарии представлена в трудах агрономов XX в. К.Н. Керефова и Б.Х. Фиапшевой [3]. Они подчеркнули уникальные характеристики почвенного покрова региона, климат, отметив разнообразие типов почвы, начиная от черноземов и заканчивая каштановыми землями, толкающих малоземельных крестьян-хлебопашцев на переселения.

Основные вехи переселения русского крестьянства осветила И.Х. Тхамокова, посвятившая этому вопросу отдельную главу монографии [4], в которой привела данные о количестве переселенцев во второй половине XIX в. Н.В. Варивода внесла значительный вклад в изучение истории осво-

ения территории Северного Кавказа казаками и крестьянами в XIX в. Ее исследования [5], [6], [7] обосновывают этапы свободного, крепостного и государственного переселения населения в Терскую область.

Обзор законодательных актов, связанных с социально-экономическим положением иногородних, был проведен Н.В. Вариводой, С.Г. Мирзоевой, М.Ю. Камбачоковой и З.М. Кешевой [8]. Авторы систематизировали законодательные акты, проанализировали делопроизводственные и статистические материалы о положении иногородних в Терской области.

Процесс переселения славянского населения на территорию Кавказа детально изучен в работе И.А. Суздальцевой [1]. Автор основывает свое исследование на уникальных архивных документах Центрального государственного архива (ЦГА) Грузии, которые позволили ей осветить многие ранее неизвестные стороны миграционных процессов. Акцентируется внимание на причинах, обусловивших решение властей оказать законодательную поддержку переселению славянского населения на Кавказ.

Этническую карту Кабардино-Балкарии (1860–1990-е гг.) подробно описали И.Л. Бабич и В.В. Степанов. Авторы привели данные по русским селам и численность населения во второй половине XIX в. [9].

Исключительно содержательные архивные материалы УЦГА АС КБР и ЦГА РСО–Алания предоставляют нам ценные источники о местах остановок и расселения переселенцев. Так, «Отчеты начальника Нальчикского округа Терской области» и «Отчеты начальника Терской области» обобщают сведения о переселенцах, их правовом и социальном статусе, материальном положении, вероисповедании и др.

Архивохранилище Российского государственного исторического архива (РГИА) содержит обширные фонды документов, отражающих политику правительства Российской империи в пореформенный период на Северном Кавказе. Сведения об истории переселения содержатся в фондах Министерства внутренних дел, Департамента земледелия и землеустройства, центральных органов власти, местных управлений и ведомств», в которых отложились законы, указы, циркуляры, материалы региональных властей, где зафиксированы предоставленные льготы и права, данные переселенцам после реформы 1861 г.

Основная часть

Историческая эпопея массового освоения Северного Кавказа, начавшаяся во второй половине XIX в., не завершилась до 1917 г., но оказала серьезное влияние на этнический и социальный состав Терской области.

Завершение Кавказской войны активизировало переселенческое движение, которое стало одним из важнейших каналов формирования

русского населения в крае. «Мы видим, как Кавказ и Закавказье быстро начинают развиваться во второй половине XIX в.», – фиксирует ситуацию просветитель, абазинец, первый редактор «Терских ведомостей» А.Г. Кешев, – теперь слышна русская речь, устанавливается порядок правления, умершая навеки война не мешает успешному, спокойному течению из России на Кавказ мирных учреждений и преобразований. Губернии и уезды приобретают права и активно развиваются» [10, 3].

Миграция всегда определялась социально-экономическими факторами и политическими условиями. Переселенцы, переезжая из экономически депрессивных районов Центральной России, где острое малоземелье создавало невыносимые условия жизни, в более плодородные, а значит экономически более перспективные, стремились улучшить свое материальное положение. Получив «свободу», переселенцы устремились на восток и юг, где были необжитые земли. «Реформа 1861 г., – фиксирует внимание на этих аспектах Н.В. Варивода, – обусловила большие изменения в экономической и общественной жизни не только в центре страны, но и на ее окраинах» [6, 30]. Так, правительство начинает проводить политику заселения и освоения земель Северного Кавказа.

Стоит отметить, что в 1860–1870-х гг. центральные власти не рассматривали Северный Кавказ в качестве приоритетного направления для массового крестьянского переселения, что подтверждается почти полным отсутствием законодательной базы, регулирующей этот процесс. Несмотря на это, правительство было заинтересовано в оперативном заселении и экономическом развитии кавказских территорий, неоднократно возвращаясь к вопросу о переселении крестьян в регион. Отношение властей к переселенческому движению было непоследовательным: от активной поддержки до введения ограничений и полного запрета. Отправной точкой в этом вопросе, по нашему мнению, стало постановление Военного Министерства от 7 июня 1863 г. о предоставлении частным лицам свободных казенных участков земли, в том числе и Терской области [11, 2]. В документе говорилось: «Представить наместнику Кавказскому... право раздачи частным лицам участков свободных земель под разведение садов и плантаций и возможность приобретать с хозяйственными целями у туземцев земли, которые имели большие участки земли, дабы привлечь в эти местности деятельных промышленников, и тем самым положить начало правильному хозяйству, которое является необходимым для будущего экономического развития этой части Кавказа» [11, 2–4].

Русских крестьян, желающих приобрести здесь земли, было много, об этом свидетельствуют данные Л.В. Бурькиной, которая подчеркивает, что «в пореформенный период Северный Кавказ относился к категории реги-

онов, характеризовавшихся повышенной интенсивностью миграционных потоков» [12, 59]. Крестьяне стремились переселяться в такие места, которые обеспечивали эффективное ведение хозяйства, т. е. в первую очередь туда, где была плодородная почва.

29 апреля 1868 г. правительством был издан указ «о разрешении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать в собственность земли казачьих войск» [13, 14об]. Согласно указу, во всех без исключения казачьих войсках российские подданные получили право «покупать в частную собственность дома и здания любого типа, расположенные на войсковых, городских и станичных землях, на общих основаниях, без согласования с командующими воинскими частями или городским либо станичным обществом. Земля под указанными зданиями оставалась собственностью войска, города или станичного общества, однако находилась в бессрочном владении покупателя» [13, 15]. Переселенцы, которые селились и приобретали земли на казачьих владениях, стали называться «иногородними» [8].

Первоначально «иногородние» пользовались определенными льготами. Согласно закону от 29 апреля 1868 г., «им разрешалось строить различные постройки на станичных землях» [6, 34], но вскоре их права были сокращены. Так, «иногородние были лишены если не всех, то многих важнейших прав, имущественных и общественных» [7, 140]. Закон от 13 мая 1883 г. запрещал дальнейшее переселение лиц невойскового сословия в казачьи станицы Терского войска без согласия станичных обществ. Проживавшие здесь «иногородние» были «обязаны нести все земские повинности, связанные с постоянным проживанием» [6, 35]. 21 марта 1888 г. были утверждены правила, по которым права «иногородних» ограничивались, например, «была введена земская и натуральная повинность, они больше не получали права участвовать в станичных сходах, о принятых решениях их лишь информировали» [1, 36]. Подобным образом правительство старалось не допустить экономического спада в центре страны, так как крупные землевладельцы теряли арендаторов, а сокращение численности крестьян приводило к уменьшению поступления подушной подати и неисполнению земских обязанностей, что создавало сложности для местных властей в местах выселения. Общинные порядки также препятствовали переселениям, поскольку «именно община несла ответственность за своевременное поступление выкупных платежей и поддержание благосостояния помещика» [14, 62]. Таким образом, «при развитии переселения трудность добывать рабочих еще более усилится, а землевладельцы потеряют съемщиков своих земель и это лишит их единственной, оставшейся в их руках, верной статьи дохода» [15, 5]. Поэтому переселение бывших

помещичьих крестьян на казенные земли в документах не регламентировалось [16, 24].

В 60–80-х гг. XIX в. источники фиксируют активный отток российских крестьян из центральных губерний на Кавказ. Миграция определялась социально-экономическими факторами: острым малоземельем, низкой урожайностью, стремлением улучшить материальное положение в более плодородных регионах. Нехватка плодородной земли в нечерноземной полосе вынуждала крестьян к переселению. По данным М.И. Горемыкина, «размер земельного надела на душу мужского населения по Российской империи упал с 4,8 десятины в 1861 г. (после отмены крепостного права) до 3,5 десятины в 1880 г. и до 2,6 десятины в 1900 г.» [17, 11]. Земельный «голод» побуждал крестьян к переселению, «с 1876 г. по 1881 г. было составлено более тысячи прошений о разрешении на переселения и об отводе казенной земли» [18, 42]. Например, средний размер земельного надела в центре России колебался от «1,9 десятины в Подольской губернии до 3,3 десятины в Орловской, с общей средней цифрой 4,72 десятины наделенной и купчей земли на душу населения» [17, 11]. Данные факты побуждали крестьян к переселению. И не случайно, что «первые русские переселенцы-крестьяне, – отмечает Р.Н. Дзагов, – которые традиционно занимались земледелием, бежали из-за малоземелья из центральных областей» [19, 213].

На Северном Кавказе условия землепользования и землевладения были значительно выгоднее для крестьян, чем в Центре России. Например, в 1870-х гг., согласно закону о крестьянах Ставропольской губернии, выделялось по 15 десятины на душу населения [13, 21об], что было значительно выше центральных губерний. Среди русских крестьян было много желающих приобрести здесь землю. Своеобразным магнитом для переселения являлось высокое качество чернозема, который позволял русским крестьянам эффективно заниматься своим ремеслом – земледелием.

Природное чутье крестьян позднее было подкреплено научными исследованиями К.Н. Керефова и Б.Х. Фиапшева, которые доказали, что на территории Центрального Кавказа сложились благоприятные условия для занятия земледелием [3, 9]. Мягкий климат, малоснежная зима, многочисленные реки и ручьи, продолжительный теплый период создавали хорошие условия для выращивания злаковых культур: проса, овса, ячменя, пшеницы и кукурузы.

Несомненно, крестьян привлекали благодатные территории, и они активно заселяли районы Предкавказья, Ставрополье, Терскую и Кубанские области. По данным А.А. Долгушина, размещение переселенцев по округам Терской области (по отношению к местному населению) во вто-

рой половине XIX в. было следующим: «Владикавказский округ – 1,2%, Хасав-Юртский округ – 14,3%, Нальчикский округ – 8,9%, Сунженский отдел – 3,2%, Моздокский отдел – 4,3%, Кизлярский отдел – 2,6%, Пятигорский отдел – 6,6%» [20, 12–62]. Таким образом, «приток населения из разных частей Российской империи в Ставропольскую губернию и Терскую область с 1867 г. по 1897 г. составил около 640 тыс. человек» [7, 140].

Часть «иногородних крестьян Северного Кавказа составляли переселенцы из центральных уголков Российской империи» [21, 73]. По данным В.С. Гальцева, «в Терской области первое место занимали уроженцы из Харьковской губернии – 11, 45%, затем Воронежской губернии – 11, 33%, Полтавской губернии – 9, 37%, Саратовской губернии – 6,64 % и др.» [22, 145]. Так, переселенческое движение стало одним из важнейших каналов формирования русского населения в крае, способствуя ослаблению социальной напряженности в центральных губерниях и экономическому освоению периферии.

Согласно данным И.Х. Тхамоковой, в Нальчикском округе число иногородних за 1860–1880 гг. возросло втрое и достигло 561 человек. Первыми крупными казачьими станицами, возникшими в Кабарде в конце XVIII в., в которых проживала большая часть иногороднего населения, были станицы Прохладная, Екатериноградская и Солдатская. В Прохладной насчитывалось 232 жителя, в Екатериноградской – 130, а в Солдатской – 127 [4, 36].

Активизировало переселение в Кабарду и строительство в 1875 г. Владикавказской железной дороги. При железнодорожных станциях и разъездах возникали новые поселения, хутора, деревни. Наиболее привлекательными для переселенцев были поселки при железнодорожных станциях, где можно было сбывать произведенную продукцию пассажирам или отправлять ее в другие регионы. Кроме крестьян в новых поселках селились торговцы, ремесленники и т. д. [4, 35].

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. российское правительство изменило переселенческую политику. При Министерстве внутренних дел Российской империи была сформирована специальная комиссия, занимавшаяся разработкой ключевых основ будущей миграционной стратегии государства. Итогом ее работы стало «Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 26 сентября 1889 г.» «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке переселения лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» [23, 535].

Историк Е.М. Брусникин, анализируя этот закон, пишет: «Основа нового закона – воспретить крестьянам переселяться по своему усмотрению, само решение о возможности и условиях переселения было передано местной администрации, разрешение выдавалось только при наличии

свободных земель, что часто приводило к отклонению ходатайств. Самовольные переселенцы подлежали возврату на прежнее место жительства. Поземельное устройство было неопределенным, размеры участков устанавливались местными чиновниками, а получение пособий было крайне затруднительно» [24, 32]. Таким образом, правительство старалось остановить поток переселения из центра.

6 и 21 апреля 1899 г. в комитете министров обсуждался вопрос о разрешении переселений на Северный Кавказ и Закавказье, «были высказаны соображения в пользу скорейшего разрешения вопроса о заселении Кавказа» [1, 38]. Комитет министров 15 апреля 1899 г. утвердил положение «О переселении на местности Северного Кавказа и Закавказья» [25, 3]. Таким образом, закон «предусматривал возможность переселения на территорию Кавказа крестьян коренного русского происхождения и православного вероисповедания» [26, 12], что способствовало массовому переселению на Кавказ.

К 80-м гг. состав этнически русского населения на Кавказе составлял 35,25%, в местностях Закавказья насчитывалось 2,59% [1, 38]. По данным Т.Х. Кумыкова, «в Терской области к 1 января 1896 г. насчитывалось 837292 переселенцев, в том числе 285493 человека этнически русских, что составило 34,1%» [2, 22]. В 1899 г. в газете «Терский календарь» писали, что «в области проживало 113898 иногородних переселенца, что составляло 15,42% всего населения» [27, 8]. Иногородние «находились в городах и слободках, что составляло 70,13%» [5, 94]. Таким образом, согласно статистическим данным, наблюдается рост городского русского населения в крае.

И.А. Суздальцева, анализируя переселенческую политику, подчеркивает, «в начале 1900 года были изданы правила о выдаче денежных пособий переселенцам Кавказа на основании закона от 13 июля 1889 года» [28, 36]. Это дало возможность простому крестьянину-хлебопашцу переселяться на благодатные земли Северного Кавказа, ведь «до 1905 г. правительство предъявляло довольно высокие требования к материальному положению переселенцев; а после издания указа от 9 ноября 1906 г., разрешившего свободный выход из общины и представившего некоторые льготы и пособия переселяющимся, стали переезжать на новые земли и бедняки» [5, 94].

Переселенцы, оставив родной очаг, стремились селиться в местах, максимально благоприятных для эффективного ведения хозяйства. При выборе учитывался широкий спектр факторов: наличие водных ресурсов, качество почвы, наличие пахотных и сенокосных угодий, близость к шоссейным и железным дорогам, в соответствии с хозяйственной сметкой и

опытом сельскохозяйственной деятельности. Такое расселение и хозяйственная специализация были обусловлены географической зональностью, местной ландшафтной спецификой и высоким качеством пашенного клина. Несмотря на то, что большая часть земель в Кабарде была неравномерно распределена между жителями и значительная их часть находилась в руках бывших привилегированных сословий [29, 21об], тем не менее, переселенцы находили возможность обустроиваться и здесь. Дешевая земля и низкая арендная плата, а также надежда на получение участка из казенных земель привлекали крестьян.

В пореформенный период в Кабарде земля впервые становится предметом рыночных отношений между русскими и кабардинцами. Как отмечает кавказовед И.Х. Тхамокова, «размеры земельных участков у кабардинской элиты варьировались от 100 до 1500 десятин, что определялось их положением в сословной иерархии и личными заслугами» [30, 60]. Крупные землевладельцы имели право сдавать земли в аренду крестьянам, закладывать под ссуду или продавать [31, 44]. Для переселенцев, прибывавших на кабардинские земли, аренда земли первоначально служила временным решением. Однако при успешном ведении хозяйства арендаторы выкупали землю в собственность, строили дома и создавали новые русские поселения. Таким образом, арендные отношения, как справедливо подчеркивает Д.Н. Прасолов, стали «неотъемлемым атрибутом пореформенного хозяйственного быта в Кабарде» [32, 206] и оказали значительное влияние на использование земли как основного средства производства.

Выявленные нами документы в УЦГА АС КБР подтверждают данный факт. Так, в отчетах начальника Нальчикского округа за 1893 г. мы встречаем сведения о том, что «русское население Терской области занимается земледелием именно на арендованных землях» [33, 7об], ведь арендная плата была низкой, что позволяло крестьянам арендовать ее по сходной цене. Например, по данным И.Х. Тхамоковой, «в 1889 году цена за аренду десятины земли была от 60 копеек до 2 рублей 50 копеек» [4, 37]. В восточных районах соседней Ставропольской губернии она была еще ниже. «Калмыцкая земля сдавалась в аренду, – отмечает Я.П. Дуброва, – от семи копеек в год за десятину под распашку и сенокошение, тогда как действительная стоимость той же десятины между крестьянами никогда не была ниже пятидесяти копеек в год» [34, 166].

Так у переселенцев появилась возможность образовывать свои поселения на надельной, частновладельческой и приобретенной в собственность земле. Например, 44 семьи из Полтавской губернии составили общественное прошение «об образовании из них особого поселения» на

приобретенной плодородной земле, которая являлась уже их частной собственностью. Она состояла из нескольких сот десятин в Нальчикском округе Терской области и была приобретена у землевладельца, полковника Тепсаруко Алтудокова (по другим данным Алтудова). Участок составлял 532 десятины удобной и неудобной земли. Новые владельцы построили там дома и обзавелись домашним хозяйством, занимались своим ремеслом: хлебопашеством и скотоводством. Так жители образовали на этом участке селение под названием «Новополтавка» [35, 55].

По данным И.Л. Бабича, только в 1870–1880-е гг. на территории Кабарды было образовано 56 новых поселений русских и украинцев, в основном это были мелкие хутора. За период с 1890 по 1907 г. в Кабарде возникло 40 русских поселений [9, 31]. Так появились Ново-Ивановское (на земле, купленной у подполковника Цугулиева), Кременчуг-Константиновское (на земле, купленной с помощью поземельного банка) поселения. Самой распространенной формой новых поселений стали хутора – Ново-Троицкий, Ново-Курский и др. [5, 95].

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. сложились благоприятные условия, которые способствовали переселенческому движению на территорию Северного Кавказа. Нерешенные проблемы пореформенной России, такие как нехватка земли, активизировали крестьянское население на переселения. К 80-м гг. XIX в. произошло правовое оформление основ переселенческой политики в общеимперском масштабе, законодательно закрепила права и обязанности переселенцев, предоставляя им льготы и порядок выделения земли. Правительственная политика регламентировала процесс переселения, включая механизмы землеустройства и финансовой поддержки. Переселенческое движение охватило всю Терскую область, включая территорию Кабардинского, затем Нальчикского округа, что привело к значительному изменению этнодемографической ситуации, появлению новых форм землевладения, резкому увеличению русского населения, численности русских поселений, ускоряя процесс аккультурации земельных ресурсов края.

1. Суздальцева И.А. Формирование русского населения Дагестана в контексте переселенческой политики российского правительства второй половины XIX – начала XX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 4 (13). С. 34–40.

2. *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 200 с.
3. *Керешов К.Н., Фианшев Б.Х.* Почвы степной зоны Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. 100 с.
4. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 239 с.
5. *Варивода Н.В.* Казачья и крестьянская колонизация Центрального Предкавказья в XIX веке // Исторический вестник. 2005. Вып. 1. С. 79–99.
6. *Варивода Н.В.* Землевладение и землепользование в хозяйственной деятельности терских казаков в пореформенный период // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4–2 (47). С. 30–38. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-30-37
7. *Варивода Н.В.* Русская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XVIII – начале XX в. // Промышленность, экономика, управление, технологии. 2007. №16. С. 139–141.
8. *Варивода Н.В., Мирзоева С.Г., Камбачокова М.Ю., Кешева З.М.* Российское законодательство о социально-экономическом положении иногородних Терской области во второй половине XIX – начале XX века // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1465.
9. *Бабич И.Л., Степанов В.В.* Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии 1860–1990-е годы. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2009. 108 с.
10. *Кешев А.-Г.* Несколько слов о значении издания «Терских ведомостей» // Терские ведомости. 1868. № 1. С. 3.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268 Оп. 10. Д. 104.
12. *Бурыкина Л.В.* Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в пореформенный период // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №1. С. 55–61.
13. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. И–6. Оп. 1. Д. 206. Т. 1.
14. *Беликов А.В.* Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 61–70.

15. *Вощинин В.* Переселенческий вопрос в Государственной Думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб: Типография Т-ва «Наш век», 1912. 143 с.
16. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 154.
17. *Горемыкин М.И.* Аграрный вопрос. Некоторые данные к обсуждению его в Государственной Думе. СПб: Типография В.О. Киршбаума, 1907. 171 с.
18. *Халидова О.Б.* Сектантская колонизация Северного Кавказа в контексте интегративных практик Российской империи в XIX – нач. XX в. (на примере Дагестана) // Религиоведение. 2019. № 1. С. 38–46. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.38-46
19. *Дзагов Р.Н.* Взаимовлияние культур переселенцев и местного населения Кабарды в области земледелия в XIX – начале XX века // Историческая этнография. 2005. Вып. III. С. 211–225.
20. *Долгушин А.А.* О переселении в Терскую область из внутренних губерний России. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1907. 74 с.
21. *Матющенко П.П.* Переселения крестьян в казачьи области Северного Кавказа в политике царизма конца XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. С. 73.
22. *Гальцев В.С.* Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Т. 19. С. 145–152.
23. Полное собрание законов Российской империи. СПб, 1830. Собрание третье. Т. IX. № 6198. 1889. 535 с.
24. *Брусникин Е.М.* Переселенческая политика царизма в конце XIX века // Вопросы истории. 1965. №1. С. 28–39.
25. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 47.
26. *Кобахидзе Е.И.* К вопросу о роли колонизации в политике «русификации» Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 13 (52). С. 9–16.
27. Терский календарь на 1901 г. Владикавказ, 1900. Вып. 10. 211 с.
28. *Сыздальцева И.А.* Русские переселенцы в Дагестане в конце XIX – начале XX в.: численность, состав, деятельность. Махачкала: ДГПУ, 2006. 194 с.
29. УЦГА АС КБР. Ф. И–6, Оп. 1. Д. 414.
30. *Тхамокова И.Х.* Русское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XXI в. Динамика этнокультурных границ. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 152 с.
31. *Кузьминов П.А.* Аграрные преобразования у народов Центрального Кавказа в 50-60-е годы XIX века. Материалы научно-практической конференции «Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность» (Нальчик, 11 августа 2005 г.). Нальчик: КБНЦ РАН, 2005. С. 44-71.

32. Прасолов Д.Н. Поземельные отношения в Кабарде во 2-ой половине XIX – начале XX в. // Исторический вестник. 2005. Вып. 1. С. 191–214.
33. УЦГА АС КБР. Ф. И–6. Оп 1. Д. 304.
34. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань: Императорский университет, 1898. 239 с.
35. УЦГА АС КБР. Ф. И–6. Оп 1. Д. 210.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026,
принята к публикации 01.03.2026,
опубликована 30.03.2026.

Skripkin, Roman D. – Assistant, Department of Russian History and Caucasology, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0009-0005-5574-6736>; roman.skripkin97@mail.ru

REASONS AND SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS OF THE PEASANTS' RELOCATION TO KABARDA IN THE SECOND HALF OF THE XIXth – EARLY XXth CENTURIES.

Keywords: *Russia, North Caucasus, Terek Region, Kabarda, Nalchik District, settlement movement, social composition of Russian settlers.*

The article is devoted to studying the process of Russian migration in the North Caucasus region, which intensified in the second half of the nineteenth century through the early twentieth century following the establishment of the Terek Region and its incorporation into the Russian Empire. The primary focus is on the reasons and conditions for resettlement that were determined by historical prerequisites for the migration of the Russian population to the area as well as an inherent desire among thousands of peasants to purchase inexpensive fertile lands in the Caucasus. The policy of the Russian government was inconsistent regarding this issue—ranging from active support to introducing restrictions and complete prohibitions—nevertheless providing settlers with legal assistance and limited material aid. An increase in the resettlement process became possible after the abolition of serfdom in 1861, the conclusion of the Caucasian War, and significant changes in the administrative structure of the region. Particular significance lies in identifying specific features of resettlement precisely within the territory of the Terek Region characterized by unique geographical location, natural-climatic conditions, and multiethnic composition of the population. Legislative acts of the Russian Government played a crucial role in regulating peasant resettlement. Special attention is given to the impact of agrarian and peasant reforms on agricultural development and economic growth in the Kabardian District during 1863-1869 and 1866-1867. The article substantiates the role of migratory flows in forming new Russian settlements in Kabarda, establishing social ties, cultural interaction, and structuring agricultural spaces in the region.

For citation: Skripkin, R.D. *Reasons and socio-economic conditions of the peasants' relocation to Kabarda in the second half of the XIXth – early XXth centuries*. KAVKAZ-FORUM. 2026, iss. 25 (32), pp. 111-127. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.32.25.004

REFERENCES

1. Suzdal'tseva, I.A. *Formirovanie russkogo naseleniya Dagestana v kontekste pereselencheskoi politiki rossiiskogo pravitel'stva vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.* [Formation of Russian Population in Dagestan Within Context of Resettlement Policy of Russian Government in Second Half of Nineteenth–First Quarter of Twentieth Centuries]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Dagestan State Pedagogical University journal. Social and Humanitarian Sciences]. 2010, no. 4 (13), pp. 34–40.
2. Kумыков, Т.К. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossiiskii rynek* [Integration of Northern Caucasus into All-Russian Market]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 200 p.
3. Kerjefov, K.N., Fiapshev, B.Kh. *Pochvy stepnoi zony Kabardino-Balkarskoi ASSR* [Soils of Steppe Zone of Kabardino-Balkarian ASSR]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 100 p.
4. Thamokova, I.Kh. *Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii* [Russian and Ukrainian Population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, El'-Fa, 2000. 239 p.
5. Varivoda, N.V. *Kazach'ya i krest'yanskaya kolonizatsiya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v XIX veke* [Cossack and peasant colonization of central Precaucasus in the nineteenth century]. *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin]. 2005, iss. 1, pp. 79–99.
6. Varivoda, N.V. *Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v khozyaistvennoi deyatel'nosti terskikh kazakov v poreformennyi period* [Land ownership and land use in economic activity of Terek Cossacks during post-reform period]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. 2020, no. 4–2 (47), pp. 30–38. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-30-37
7. Varivoda, N.V. *Russkaya kolonizatsiya Tsentral'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroi polovine XVIII – nachale XX v.* [Russian colonization of central Precaucasus in second half of XVIIIth – early XXth centuries]. *Promyshlennost', ehkonomika, upravlenie, tekhnologii* [Industry: economy, management, technologies]. 2007, no. 16, pp. 139–141.
8. Varivoda, N.V., Mirzoeva, S.G., Kambachokova, M.Yu., Kesheva, Z.M. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo o sotsial'no-ehkonomicheskom polozhenii*

inogorodnikh Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Russian legislation regarding socioeconomic situation of non-resident population of Terek province in late nineteenth – early twentieth centuries]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Current problems of science and education]. 2014, no. 6, p. 1465.

9. Babich, I.L., Stepanov, V.V. *Istoricheskaya dinamika ehtnicheskoi karty Kabardino-Balkarii 1860–1990-e gody* [Historical dynamics of ethnic map of Kabardino-Balkaria in the 1860s–1990s]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay RAS, 2009. 108 p.

10. Keshev, A.-G. *Neskol'ko slov o znachenii izdaniya «Terskikh vedomostei»* [A Few Words About Significance of Publication «Terek Gazette»]. *Terskie vedomosti* [Terek Gazette]. 1868, no. 1, p. 3.

11. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. Fund 1268. Inventory 10. Case 104.

12. Burykina, L.V. *Krest'yanskaya migratsiya na Severo-Zapadnyi Kavkaz v poreformennyi period* [Peasant migration to north-western Caucasus during post-reform period]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adyghe State University]. 2005, no. 1, pp. 55–61.

13. *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (UTSGA AS KBR)* [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. Fund I–6. Inventory 1. Case 206. Volume 1.

14. Belikov, A.V. *Pereselencheskaya politika Rossii posle otmeny krepостного prava i «Polozhenie o zaselenii predgorii zapadnoi chasti Kavkazskogo khreбta kubanskimi kazakami i drugimi pereselentsami iz Rossii» ot 10 maya 1862 g.* [Residential policy of Russia after abolition of serfdom and 'Settlement Regulation of foothills of western part of Caucasian ridge by Kuban cossacks and other migrants from Russia' dated May 10, 1862]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University, the Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies]. 2007, no. 1, pp. 61–70.

15. Voshchinin, V. *Pereselencheskii vopros v Gosudarstvennoi Dume III sozyva. Itogi i perspektivy* [Resettlement issue in the third convocation of the State Duma: results and prospects]. St. Petersburg, Tipografiya T-va «Nash vek», 1912. 143 p.

16. RGIA [RSHA]. Fund 391. Inventory 1. Case 154.

17. Goremykin, M.I. *Agrarnyi vopros. Nekotorye dannye k obsuzhdeniyu ego v Gosudarstvennoi Dume* [Agricultural question: some data for its discussion in State Duma]. St. Petersburg, Tipografiya V.O. Kirshbauma, 1907. 171 p.

18. Khalidova, O.B. *Sektantskaya kolonizatsiya Severnogo Kavkaza v kontekste integrativnykh praktik Rossiiskoi imperii v XIX – nach. XX v. (na primere Dagestana)* [Sectarian Colonization of Northern Caucasus within Integration Practices of Russian Empire in Nineteenth–Early Twentieth Centuries (Case Study of Dagestan)]. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2019, no. 1, pp. 38–46. DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.38-46
19. Dzagov, R.N. *Vzaimovliyanie kul'tur pereselentsev i mestnogo naseleniya Kabardy v oblasti zemledeliya v XIX – nachale XX veka* [Mutual Influence of Cultures of Settlers and Indigenous People of Kabarda in Agricultural Area in the XIXth–Early XXth Centuries]. *Istoricheskaya ehtnografiya* [Historical Ethnography]. 2005, iss. III, pp. 211–225.
20. Dolgushin, A.A. *O pereselenii v Terskuyu oblast' iz vnutrennikh gubernii Rossii* [On Resettlement to the Terek Region from Inner Governorates of Russia]. Vladikavkaz, Tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1907. 74 p.
21. Matyushchenko, P.P. *Pereseleniya krest'yan v kazach'i oblasti Severnogo Kavkaza v politike tsarizma kontsa XIX v.* [Migrations of Peasants to Cossack Territories of Northern Caucasus Under Tsarist Policy at the End of Nineteenth Century]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. 2013, no. 12, p. 73.
22. Gal'tsev, V.S. *Iz istorii kolonizatsii Severnogo Kavkaza* [From the history of Northern Caucasus colonization]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 1957, vol. 19, pp. 145–152.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. III, no. IX, 1889, p. 535.
24. Brusnikin, E.M. *Pereselencheskaya politika tsarizma v kontse XIX veka* [Tsarist resettlement policy at the end of the nineteenth century]. *Voprosy istorii* [Issues of history]. 1965, no. 1, pp. 28–39.
25. RGIA [RSHA]. Fund 1276. Inventory 19. Case 47.
26. Kobakhidze, E.I. *K voprosu o roli kolonizatsii v politike «rusifikatsii» Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [To the Question of the Role of Colonization in Policy of «Russification» of Northern Caucasus (Second Half of XIXth–Early XXth Centuries)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of North Ossetian Institute of Social Sciences]. 2014, no. 13(52), pp. 9–16.
27. *Terskii kalendar' na 1901 g.* [Terek Calendar for Year 1901]. Vladikavkaz, 1900, iss. 10, 211 p.
28. Cuzdal'tseva, I.A. *Russkie pereselentsy v Dagestane v kontse XIX – nachale XX v.: chislennost', sostav, deyatel'nost'* [Russian settlers in Dagestan in the late XIXth – early XXth centuries: number, composition, activities]. Makhachkala, Dagestan State Pedagogical University, 2006. 194 p.

29. CGA AS KBR [CSAKBR]. Fund I–6. Inventory 1. Case 414.

30. Tkhamokova, I.Kh. *Russkoe naselenie Kabardino-Balkarii v XIX – nachale XXI v. Dinamika etnokul'turnykh granits* [Russian Population of Kabardino-Balkaria in XIXth–Early XXIst Centuries: Dynamics of Ethnocultural Boundaries]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research, 2014. 152 p.

31. Kuz'minov, P.A. *Agrarnye preobrazovaniya u narodov Tsentral'nogo Kavkaza v 50-60-e gody XIX veka* [Agrarian Transformations Among Peoples of Central Caucasus in the 1850s–1860s]. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Zemel'nye otnosheniya v Kabarde i Balkarii: istoriya i sovremennost'» (Nal'chik, 11 avgusta 2005 g.)* [Proceedings of the scientific and practical conference «Land relations in Kabarda and Balkaria: history and modernity» (Nalchik, August 11, 2005)]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research, 2005, pp. 44–71.

32. Prasolov, D.N. *Pozemel'nye otnosheniya v Kabarde vo 2-oi polovine XIX – nachale XX v.* [Land Relationships in Kabardin in Second Half of XIXth–Early XXth Centuries]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin]. 2005, iss. 1, pp. 191–214.

33. CGA AS KBR [CSAKBR]. Fund I–6. Inventory 1. Case 304.

34. Dubrova, Ya.P. *Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii do izdaniya zakona 15 marta 1892 goda* [Life of Kalmyks in Stavropol Province Before Enactment of the Law of March 15, 1892]. Kazan, Imperial University, 1898. 239 p.

35. CGA AS KBR [CSAKBR]. Fund I–6. Inventory 1. Case 210.

The article was submitted 13.01.2026,
accepted for publication on 01.03.2026,
published 30.03.2026.